

УДК 81.1

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В РАБОТАХ Г. ПАВЛОВСКОГО, С. КОРДОНСКОГО, А. АУЗАНА (ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ). ЧАСТЬ II

Ореховский Петр Александрович,

Институт экономики РАН,
Финансовый университет
при правительстве Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
Москва, Россия,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Аннотация

В работе представлен дискурсивный анализ работ известных российских учёных – обществоведов Г. Павловского, С. Кордонского, А. Аузана. Демонстрируется различие политологического, социологического и экономического дискурса, рассматривающих одну и ту же тему, что делает крайне затруднительным взаимопонимание представителей различных гуманитарных дисциплин. Большинство экономических работ, связанных с исследованием институтов, в качестве неявной посылки используют политический гедонизм, что делает возможным количественное моделирование институциональных изменений.

Ключевые понятия:

дискурс, конструктивизм, власть-собственность, вертикальный контракт, политический гедонизм.

Россия как «вертикальный договор»

Основная задача работы А. А. Аузана «Переучреждение государства...» [1] – характеристика современного российского политического режима. После того, как читатель одолет больше половины книги, которая почти никак не связана с указанной задачей, он, наконец, находит:

«Политический режим, сложившийся в России к 2005 году, напоминает самодержавную модель, но не в классическом, а в преобразованном варианте. Скорее он похож на принципат Октавиана Августа. При Октавиане Августе в Римской республике формально сохранялись все демократические институты. По сравнению с предшествующим режимом возникло всего несколько отличий. Во-первых, император возглавил сразу несколько институтов. Во-вторых, избирательные механизмы начали работать по-иному: избирать можно было кого хочешь, но римский чиновник, следящий за выборами, отмечал голоса только тех, кто был в списке. Формально демократическое устройство наличествовало, но его механизм действовал иначе. Современную российскую политическую систему нельзя отождествить с самодержавием образца XVI века, но это и не демократическая система. У этого явления промежуточные признаки» [1, с. 72–73].

Выходит, что в России – самодержавие с демократическими признаками? Или демократия с признаками самодержавия? Ещё из текста следует, что, как принципат Октавиана был неким отступлением от прежней римской демократии, так и российский режим 2005 г. является шагом назад от прежней «настоящей» российской демократии 1990-х гг. Однако в книге о специфике демократии периода 90-х гг. ничего не говорится.

Когда Аузан пишет «на сегодняшний день в России почти не осталось признаков самодержавия и крепостничества, однако признаков самодержавия всё же больше, чем признаков крепостничества» [1, с. 72], вроде бы возникают параллели с риторикой Кордонского – «сословия», «удельные князья», «помещики» и «поместная Федерация». Однако эта аналогия ошибочна. Параллель с Октавианом показывает, что для автора власть и собственность разделены, и его интерпретация самодержавия с крепостничеством не имеет никакого отношения к «ресурсному государству». В дискурсе Аузана это метафоры, которые характеризуют несовершенство сегодняшнего российского социального контракта, их вполне можно заменить на прилагательные «отсталый» и «убогий», «признаков отсталости всё же больше, чем признаков убогости». Содержание от этого не страдает. Суть всей работы можно выразить фразой: в России сложился отсталый (плохой, неэффективный, вертикальный) социальный контракт, и его нужно поменять на передовой (хороший, эффективный, горизонтальный), то есть, переучредить государство. Вот вроде бы и всё. И правда, почему бы этого не сделать?

Весь остальной текст книги нужен для того, чтобы показать разные обстоятельства и факторы, влияющие на заключение договоров. Их описание демонстрирует широкую эрудицию и глубокое понимание этого процесса автором. А.А. Аузан начинает с вопроса «Кем создаются правила?» Другими словами – а кто, собственно, может формулировать тот самый социальный контракт? Ответов три:

(1) «правила создаёт власть»; (2) правила создаются населением (и успешным бизнесом), а власть их «формализует», придаёт статус закона; (3) «правила создаются для реализации практических потребностей; познавая закономерности, люди моделируют правила в соответствии с ними... учёное сообщество должно подумать над тем, как превратить объективные закономерности в способы их использования – в законы, правила, нормы» [1, с. 14–15].

Первый ответ Аузану не нравится – это у него сразу же ассоциируется с ГУЛАГом. Казалось бы, учёный экономист должен занять третью позицию. Однако и к ней автор относится иронически:

«Рухнуло крупное государство... и вот приходят умненькие ребята и начинают делать реформы, потому что они понимают, как устроена модель спроса и предложения. К тому же они читают на английском... В конечном итоге они действительно создали определённое количество правил, и часть из них, наверное, работает по сегодняшний день. С другой стороны, некоторые из этих правил не работают, а некоторые работают обратным образом, не так, как планировали их создатели» [1, с. 15].

Таким образом, если я правильно интерпретирую А. А. Аузана, роль «учёного сообщества» – в наблюдении и понимании того, что создаёт население и бизнес, и дальнейшей трансляции этих правил органам власти. Ну что ж, почему бы и нет.

Создание правил требует от общества издержек, и не только на оплату работы экспертов. Нужны контроль над соблюдением правил и штрафы за их несоблюдение. Аузан пишет, что сначала, в режиме свободного доступа и коммунальной собственности эти издержки низкие.

«В дальнейшем стала преобладать система частной собственности, и в итоге возник спрос на государство» [1, с. 25].

Переход к неопределённой форме характерен для экономического дискурса. «Система частной собственности» более дорогая, но более эффективная и «стала преобладать». Одновременно важный для социологов вопрос о том, можно ли рассматривать коммунальную собственность как собственность, т. е. имелся ли у «коммуны» некий актив, имевший цену, который можно было бы продать другим субъектам, а те готовы были бы заплатить, игнорируется. Раз есть частная собственность, значит, есть (была) и коммунальная собственность. Отсюда у членов коммуны есть права на эту собственность так же, как и у отдельного субъекта – на частную собственность.

Но почему в режиме коммунальной собственности спроса на государство нет, а при системе частной собственности он возникает? И что это такое, «государство»? И как понимать «спрос» на него? Как платёжеспособную потребность? То есть некто может заплатить энную сумму денег, и у него будет своё государство? Или нет? В книжке это не объясняется; как и в случае с самодержавной демократией, «спрос на государство» представляет собой метафору, заставляющую вспомнить об известной работе Ф. Энгельса. Частная собственность – основное производственное отношение, которому объективно соответствует определённая надстройка в виде государства. В экономическом дискурсе «спрос на институты» – некое функциональное соответствие между производительными силами, материальной базой и «надстроечными», юридическими отношениями. Но марксистский язык – анахронизм, а неoinституционализм – это «наше всё». И не надо задавать риторические вопросы.

Если люди всегда, изначально обладают некими правами собственности (что – подчеркнём – неочевидно для социологического и политологического дискурсов), эти права надо как-то определить (специфицировать) и договориться об их использовании. А. А. Аузан рассматривает факторы, под влиянием которых

складывается договор о правах. Среди этих факторов он выделяет способы принятия решений: демократический, авторитарный и тоталитарный. Поскольку в отношении каждого из этих способов присутствуют свои выгоды и издержки, постольку, вроде бы, экономист может что-то сказать об оптимуме (максимум выгод, минимум издержек). Оптимум предполагает сопоставимость, измеримость как выгод, так и издержек отдельных социальных групп и индивидов, образующих общество, так и результатов демократии, авторитаризма, тоталитаризма. Заодно неплохо было бы определить, что они из себя представляют. Про демократию Аузан говорит только то, что в ней действует «принцип большинства» (?!), при авторитаризме «для достижения оптимальности решений можно делегировать право голоса одному лицу или группе лиц» [1, с. 49], а «в тоталитарном государстве власть участвует в решении всех вопросов...» [1, с. 51]. Кроме того:

«В тоталитарном государстве блага определяются положением, которое занимает человек. Как следствие, очень важен вопрос карьеры [1, с. 54].

А при демократии – нет? Вопрос риторический, снимается...

На протяжении всей книги А.А. Аузан приводит множество делений, классификаций. Но отношение к основной задаче книги имеет, по сути, только одно выделение – вертикальный и горизонтальный социальные контракты. Вертикальный контракт – «модель стационарного бандита» М. Олсона – это когда «власть (правитель или группа, которая поддерживает эту власть) занимается перераспределением прав в свою пользу» [6, с. 74], а «налог – это рента, которую получает государство. Но для того, чтобы получать эту ренту, власть должна обеспечить правопорядок» [6, с. 79]. При горизонтальном контракте действует «формула подряда... В этом случае государство – агент по производству услуг обороны и правосудия, которые предоставляются в обмен на налоги» [6, с. 80]. Далее Аузан использует формулу «найма государственного агента», что опять-таки, если я правильно его интерпретирую, «в пределе» предполагает возможность «увольнения» одного государства и «найма другого». Вроде как последнее, если это перевести с экономического дискурса на политологический, означает революцию или распад страны, присоединения её территории к другим «государственным агентам». Или нет?

Возникают трудности и в идентификации контракта: те или иные системы объявляются «горизонтальными» обычно на основе уровня душевого ВВП и принадлежности к некой «общечеловеческой», то есть западной политической культуре. Все остальные политические режимы классифицируются как вертикальный контракт. Но это всего лишь приписывание субъектом, осуществляющим такую классификацию, личных нормативных оценок. При изменении хода истории они легко могут быть пересмотрены (скажем, если Каталония выйдет из состава Испании, достаточно сказать, что там действовал «испорченный горизонтальный», а на самом деле вертикальный контракт).

В целом – замечательная работа и очень инструментальная концепция. В России сложился нехороший вертикальный социальный контракт, но он пока не превратился в горизонтальный потому, что у общества не сформировался спрос на необходимые институты. Подождём ещё, никуда они (российское общество и его государственный агент) не денутся.

Институты в российском экономическом мейнстриме (заключение)

По моему мнению, многих обществоведов объединяет критическое, если не сказать негативное, отношение к российским властям. Критика власти в отечественном публицистическом дискурсе – признак прогрессивности. Однако языки этой критики очень разные, и описывают они очень разные реальности, поэтому договориться, как мне думается, будет невозможно.

Отчасти я уже говорил о различиях в подходах к реальности, как её понимают Г.О. Павловский [7], С.Г. Кордонский [2; 3; 4] и А.А. Аузан [1]. Исходя из этого, ниже приводятся некоторые важные концепты соответствующих дискурсов и реальностей:

В политологии важнейшим концептом является «народ», демократия понимается как «правление народа». Как указывает Д. Хелд: «Проблемы определения возникают в отношении к каждому элементу фразы: «правление»? – «правление кого»? – «народа»? Начнём с народа:

- Кого можно считать «народом»?
- Какой тип участия для него предусмотрен?
- Какие условия считаются необходимыми для участия? Могут ли стимулы и препятствия или издержки и преимущества участия быть равными?» [10, с. 16].

В социологии, вообще говоря, «народа» нет, есть «этнические факторы», влияющие на поведение социальных групп. Они некоторым образом складываются в «общество» (как именно это происходит – отдельная проблема). В каком-то определённом состоянии общество может сформировать институты, и появится «государство», но могут быть и безгосударственные общества.

В экономике, вообще говоря, тоже нет «народа», в ней есть «домохозяйства», «фирмы» и «государство». Они равноправны и вступают в отношения обмена между собой, назначая цену за те или иные блага. Отсюда – естественное для экономиста допущение, что упомянутые субъекты имеют права собственности на блага или активы, в противном случае торговля становится невозможной. Конструкция совпадения «власти – собственности» применительно к современным индустриальным странам (странам с относительно высоким уровнем развития, что подтверждается уровнем душевого ВВП) для экономиста неприемлемо: это всё про античность, средневековье, но никак не про Новое время.

Тем не менее, все эти реальности пересекаются, когда начинается разговор об институтах. В этом разговоре политология становится частным случаем социологического дискурса. И, в свою очередь, экономисты-институционалисты претендуют на то, чтобы сделать социологию частным случаем экономической теории. В разделе «Изобретение государства: общественный договор», название которого напрямую переключается с названием работы А.А. Аузана, Э. Ясаи указывает: «политический гедонист, соглашающийся вступить в общественный договор, должен так или иначе убедить себя в выгоде этого дела. Дополнительное удовольствие, которое он собирает получить от того, что государство организует производство правильного объёма, порядка и других общественных благ, вместо того чтобы полагаться на мешанину спонтанных соглашений, которая может быть весьма неадекватной, должно перевесить страдания от принуждения, которое, по его мнению, он будет испытывать от рук государства» [11, с. 75].

«Политический гедонист» – центральная фигура экономического институционализма. И если в реальности Г.О. Павловского и С.Г. Кордонского нет «экономики», то в реальности многих выдающихся экономистов, формирующих отечественный мейнстрим, нет «политики». Например:

«Представим себе агента, осуществляющего свою деятельность в рамках института A и рассматривающего вопрос о целесообразности перехода к использованию альтернативного института B . Пусть время t дискретно. Обозначим через δu_t – выигрыш в транзакционных издержках, ожидаемый агентом от использования в периоде t института B вместо A , а ρ – норму дисконта, характеризующую предпочтения агента во времени. Тогда агент предпочтет институциональное изменение, если

$$\sum_0^T (1 + \rho)^{-t} \delta u_t > \Theta \quad (2.1)$$

где T – горизонт планирования, Θ – ожидаемые трансформационные издержки (предполагается, что они оплачиваются в нулевой момент). Как уже отмечалось, в более общей ситуации под δu_t следует понимать прирост полезности в результате перехода, а под Θ – потери в полезности в процессе перехода.

Предположим, что в системе используется институт A , но не B , поскольку для рассматриваемых агентов неравенство (2.1) не выполняется. Очевидно, переход от A к B станет желательным для агента, только если произойдет, по крайней мере, одно из трех изменений: 1) увеличатся транзакционные издержки института A ; 2) уменьшатся ожидаемые транзакционные издержки института B ; 3) уменьшатся ожидаемые трансформационные издержки перехода от A к B .

Переход из A в B , скорее всего, произойдет, если для всех участников (2.1) выполняется, и, скорее всего, не произойдет, если выполнено противоположное неравенство. В случаях, когда для разных участников имеют место неравенства противоположного смысла, результат зависит от конкретного механизма их взаимодействия. Довольно часто для осуществления перехода необходимо выполнение (2.1) для критической массы участников» [8, с. 69–70].

Соответственно, изменение отношений собственности, которое в других дискурсах выглядит как революция или крупная институциональная реформа, также можно моделировать в терминах выгод и издержек:

«Благосостояние экономической системы возможно представить как величину собственности, которой располагают агенты этой системы. Тогда $U(Y) = Q_G(Y) + Q_P(Y)$ для данного уровня дохода (продукта). В общем смысле, располагая функциями изменения величины собственности от продукта, можно записать

$$U = \int_{Y_0}^{Y^*} (Q_G(Y) + Q_P(Y)) dY$$

Если представить, например, приватизацию и национализацию изменением величины государственной и частной собственности соответственно в зависи-

мости от валового внутреннего продукта Y , полагая, что процесс приватизации и национализации связан с ростом Y , тогда ситуацию упрощённо можно изобразить, для постоянной скорости приватизации, национализации, как показано на рисунке 1.

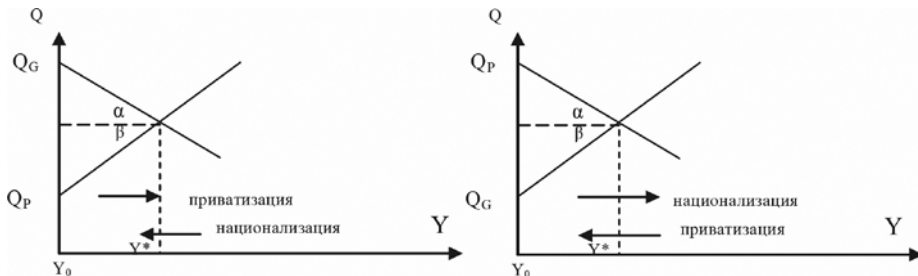

Рисунок 1 – Приватизация и национализация при росте и спаде ВВП

Как видим, ситуация задаётся исходным преобладанием государственного сектора в одном случае и преобладанием частного сектора в другом случае. Диаграммы отражают возможности приватизации и национализации при росте Y . При обратном движении Y , то есть при спаде, диаграмма отражает (слева) национализацию и приватизацию (справа).

Исходя из графических построений для произвольного продукта Y , запишем: $Q_G = Q_P + k(Y^* - Y)$, где $k = (tg\alpha + tg\beta)$. Благосостояние для данного продукта Y при национализации (рисунок, справа), так как $Q_P = Q_G + k(Y^* - Y)$, будет: $U(Y) = 2Q_G + (Y^* - Y)k$.

Изменение благосостояния по времени и по продукту соответственно будет: $dU/dt = 2dQ_G/dt - k\{dY/dt\}$; $dU/dY = 2dQ_G/dY - k$. Или $U(Y) = 2Q_P + (Y - Y^*)k$. Тогда $dU/dt = 2dQ_P/dt + k\{dY/dt\}$; $dU/dY = 2dQ_P/dY + k$. Результат изменения благосостояния системы зависит от углов наклона, символизирующих скорость приватизации и национализации соответственно, исходного соотношения частной и государственной собственности, темпа текущего экономического роста» [9, с. 76].

Другими словами, если государственная собственность более рентабельна, чем частная, то национализируем частную, если менее, то наоборот, что и выражается в наклонах соответствующих графиков (индекс G – государственная собственность, индекс P – частная). Логично.

Используя принцип политического гедонизма, можно решать и другие, не такие глобальные институциональные проблемы. Например, можно рассмотреть проблему легализации (декриминализации) проституции (а заодно и устранения связанной с проституцией милицейской коррупции):

«Предположим, что проститутка получает полезность от потребительского блага, c , которое рассматривается как благо-измеритель, и свободного времени, l_p ; данные блага предполагаются нормальными. Пусть T – имеющийся в распоряжении совокупный запас времени (для простоты будем считать, что он равен единице), тогда $L_p + l_p = 1$, где L_p – время работы на рынке коммерческих сексуальных услуг.

В то же время на благосостояние проститутки отрицательно влияют издержки, связанные с занятием проституцией. Характерной особенностью данной модели является включение моральных издержек, m , отрицательно воздействующих на благосостояние проститутки. Предполагается, что моральные издержки зависят от времени работы на рынке коммерческих сексуальных услуг, L_p , причем величина этих издержек снижается с увеличением времени работы (т.е. происходит некоторое привыкание). Будем считать, что вся группа проституток однородна, но каждая отдельная проститутка характеризуется неким уровнем морали, m_0 , связанным с воспитанием, отношениями в семье и прочими факторами. Распределение морали среди всего женского населения описывается непрерывной возрастающей функцией распределения $F(m_0)$, определенной на интервале $[m_0^-, m_0^+]$ и имеющей функцию плотности распределения $f(m_0)$, причем $F(m_0^-) = 0$ и $F(m_0^+) = 1$.

Предполагается, что чем выше уровень личной морали, тем выше издержки от занятия проституцией. Таким образом, моральные издержки описываются следующей функцией:

$$m = m(L_p, m_0), \quad \text{где } \frac{\partial m}{\partial L_p} < 0 \text{ и } \frac{\partial m}{\partial m_0} > 0. \quad (1)$$

Будем считать также, что в силу нелегального характера рынка коммерческих сексуальных услуг занятие проституцией сопряжено с рисками физического и правового характера (в денежном выражении)... Так, с вероятностью π_b проститутка может быть задержана правоохранительными органами и понести издержки правового характера (например, выплатить штраф; к издержкам правового характера можно также отнести и выплату взяток коррумпированным сотрудникам правоохранительных органов), b , которые мы будем рассматривать как экзогенную величину; с вероятностью π_d , работая проституткой, можно столкнуться с физическими издержками (например, заразиться заболеванием, передающимся половым путем), $d(L_p)$, которые положительно зависят от количества времени, потраченного на занятие проституцией. Будем считать, что издержки правового и физического характера не зависят друг от друга, а вероятности наступления событий, в результате которых эти издержки возникают, заданы экзогенно.

Тогда бюджетное ограничение проститутки выглядит следующим образом:

$$c = wL_p - \pi_b b - \pi_d d(L_p), \quad (2)$$

где w – цена услуг проститутки в единицу времени.

Следовательно, задача проститутки имеет вид:

$$\begin{aligned} \max_{c, L_p} u_p &= v_p(c, 1 - L_p) - m(L_p, m_0) \\ c &= wL_p - \pi_b b - \pi_d d(L_p) \end{aligned} \quad (3)$$

Прежде всего, определим условия, при которых будет иметь место предложение коммерческих сексуальных услуг. Для этого, подставляя (2) в целевую

функцию задачи (3), перейдем к задаче на безусловный максимум по L_p . Тогда, предполагая, что решение задачи существует, получим следующее условие участия на рынке коммерческих сексуальных услуг:

$$L_p > 0, \text{ если } w - \pi_d d'(0) - \left. \frac{\partial m / \partial L_p}{\partial v_p / \partial c} \right|_{L_p=0} > \left. \frac{\partial v_p / \partial l_p}{\partial v_p / \partial c} \right|_{L_p=0} \quad (4)$$

Тем самым, предложение коммерческих сексуальных услуг будет положительным, если цена предложения первой единицы сексуальных услуг за вычетом предельных издержек физического, правового и морального характера, связанных с предложением этой единицы, превосходит теневою цену досуга, оцененного при нулевом предложении коммерческих сексуальных услуг» [5, с. 19–21].

Таким образом, привлечение математической, формальной аргументации существенно повышает качество экономического дискурса. Доказательства необходимости тех или иных реформ, полученные математическим путём, представляются неопровержимыми, но, похоже, социологи и политологи и не хотят с ними спорить. Экономистам есть на что обижаться – они могут решить многие, если не все, политические и социологические проблемы, но «гениальная российская власть» не хочет их слушать. Наверное, многие субъекты этой власти просто не обладают соответствующей математической подготовкой.

1. Аузан А.А. Переучреждение государства: общественный договор. – М.: Европа.
2. Кордонский С.Г. Ресурсное государство. – М., REGNUM. 2006.
3. Кордонский С.Г. Сословная структура постсоветской России. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение». 2008.
4. Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация. – М.: Европа. 2010.
5. Левин М.И., Покатович Е.В. Экономика нелегального коммерческого секса: красный свет на синем фоне. – М.: ИНДЕМ. 2006.
6. Олсон М. Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. – М.: Новое издательство. 2013.
7. Павловский Г. Гениальная власть! Словарь абстракций Кремля. – М.: Европа. 2012.
8. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: Экономика. 2007.
9. Сухарев О.С. Институциональная теория приватизации – национализации активов // Журнал институциональных исследований, Т. 7, № 1, 2015. – С. 59–78.
10. Хелд Д. Модели демократии. – М.: Дело. 2014.
11. Ясаи Э. Государство. М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 410 с.

References

1. Auzan A.A. Pereuchrezhdenie gosudarstva: obshhestvennyj dogovor. – М.: Evropa.
2. Kordonskij S.G. Resursnoe gosudarstvo. – М., REGNUM. 2006.

3. Kordonskij S.G. Soslovnaya struktura postsovetskoj Rossii. – M.: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie». 2008.
  4. Kordonskij S.G. Rossiya. Pomestnaya Federaciya. – M.: Evropa. 2010.
  5. Levin M.I., Pokatovich E.V. E'konomika nelegal'nogo kommercheskogo seksa: krasnyj svet na sinem fone. – M.: INDEM. 2006.
  6. Olson M. Vozvyshenie i upadok narodov: E'konomicheskij rost, stagflyaciya i social'nyj skleroz. – M.: Novoe izdatel'stvo. 2013.
  7. Pavlovskij G. Genial'naya vlast'! Slovar' abstrakcij Kremlya. – M.: Evropa. 2012.
  8. Polterovich V.M. E'lementy teorii reform. – M.: E'konomika. 2007.
  9. Suxarev O.S. Institucional'naya teoriya privatizacii – nacionalizacii aktivov // Zhurnal institucional'nyx issledovanij, T. 7, № 1, 2015. – S. 59–78.
  10. Xeld D. Modeli demokratii. – M.: Delo. 2014.
  11. Yasai E'. Gosudarstvo. M., Chelyabinsk: IRISE'N, Socium, 2016. 410 s.
-

UDC 81.1

RUSSIAN POLITICAL AND ECONOMIC MODEL IN THE WORKS OF G. PAWLOVSKY, S. KORDONSKY, A. AUZAN (DISCOURSE ANALYSIS). PART II.

Orekhovsky Pyotr Aleksandrovich,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Doctor Habilitatus in Economics,
Professor, Chief Researcher,
Moscow, Russia,
E-mail: orekhovskypa@mail.ru

Annotation

This paper presents a discourse analysis of the works of famous Russian scientists – humanities G. Pawlovsky, S. Kordonsky, A. Auzan. It demonstrates the difference between discourses of political science, sociology and economics, considering the same theme. The last makes it extremely difficult understanding of representatives of various humanitarian disciplines. Most economic studies related to the study of institutions as an implicit premise is used political hedonism that makes possible the quantitative modeling of institutional change.

Key concepts:

discourse, constructivism, the “government-owned”, vertical contract, political hedonism.
